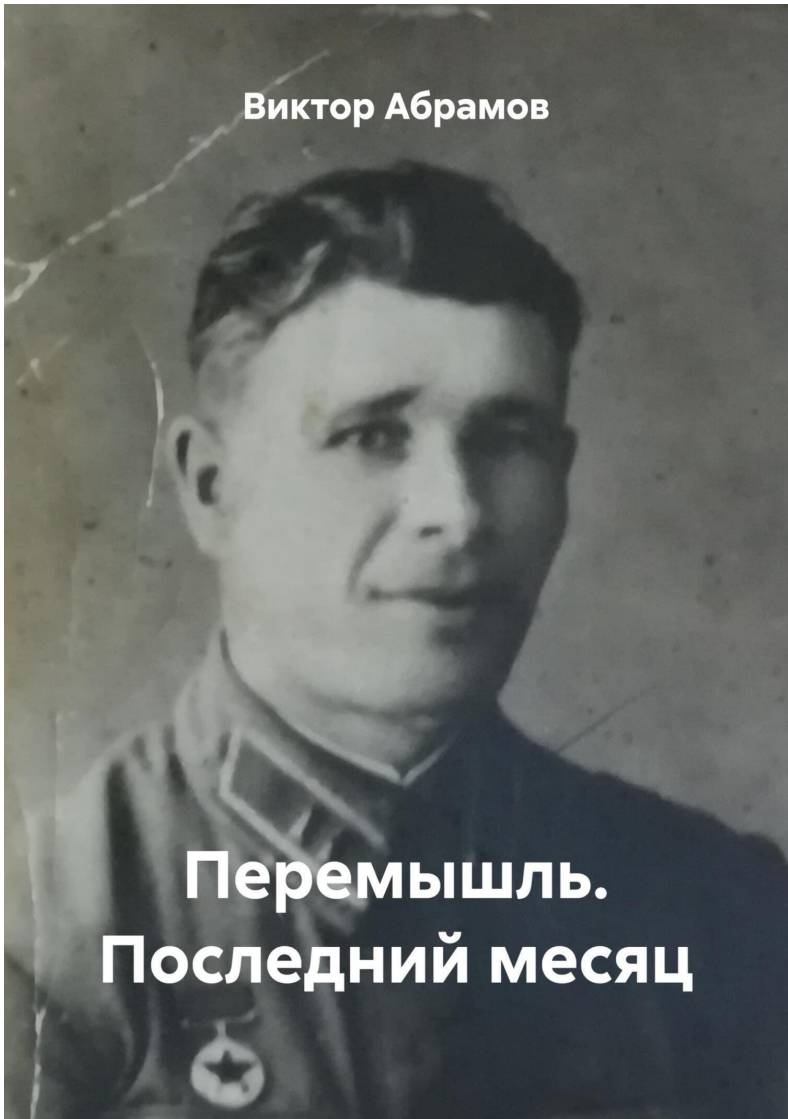

Виктор Абрамов

**Перемышль.
Последний месяц**

Виктор Вениаминович Абрамов

Перемышль. Последний месяц

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72310348

SelfPub; 2025

Аннотация

Эта книга о первом отбитом у немецких фашистов городе СССР. Случилось такое уже 23 июня 1941 года – на второй день войны. Книга о командире 1 стрелкового полка 99 стрелковой дивизии 8 стрелкового корпуса Кутейкине Павле Герасимовиче (он на обложке, от его имени пойдёт повествование) и о его семье: жене Ольге Александровне, сыне Юре и дочери Лиде. Также будут упоминаться его тёща Пелагея Даниловна Камплицкая и её сестра Анна Даниловна.

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	4
ДВЕ НЕДЕЛИ ДО ВОЙНЫ	6
22 ИЮНЯ	16
23 ИЮНЯ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Виктор Абрамов

Перемышль.

Последний месяц

ВСТУПЛЕНИЕ

Это рассказ о последнем месяце жизни деда моей жены Абрамовой (Кутейкиной) Елены Юрьевны, командире 1 стрелкового полка 99 стрелковой дивизии 8 стрелкового корпуса Кутейкине Павле Герасимовиче (от его имени пойдёт повествование) и о его семье: жене Ольге Александровне, сыне Юре и дочери Лиде (вся семья на фотографии). Также будут упоминаться его тёща Пелагея Даниловна Кампицкая и её сестра Анна Даниловна.

Почти все другие персонажи, упоминающиеся в рассказе, реально существовали, их фамилии, имена, должности взяты из различных, как и основная канва событий. Использовались и семейные воспоминания, но некоторые детали пришлось додумывать. То есть это не совсем документальное описание событий, а всё-таки художественное произведение (если можно о нём так сказать).

Рассказ не столько о последнем месяце жизни П.Г.Кутей-

кина, но и об очень интересном эпизоде Великой Отечественной войны в котором не последнюю роль Павел Герасимович сыграл, а именно о первом отбитом 23 июня 1941 года у немцев советском городе Перемышль. К сожалению об этом эпизоде написано мало, есть несколько исторических очерков, воспоминаний участников тех событий и одна научно-популярная книга «Герои Перемышля», изданная АН СССР в 1969 году.

Мне про своего деда рассказывала моя жена, которая слышала про него от своей бабушки Ольги Александровны и от отца Юрия Павловича. Рассказывала про своего отца и тётя жены Лидия Павловна Кутейкина, которая сохранила некоторые документы про него, за что ей большое спасибо. Вот на основании этих рассказов, материалов книги «Герои Перемышля», очерков и рассказов очевидцев, найденных в Интернете, я попытался написать представленный тут рассказ.

А теперь передаю слово главному участнику событий майору Кутейкину...

ДВЕ НЕДЕЛИ ДО ВОЙНЫ

Неделю назад, 01 июня 1941 года, сдав весеннюю проверку на прежнем месте службы в Армении, я прибыл к новому месту – на Западную Украину в Перемышль, и на новую должность – командира 1 стрелкового полка 99 стрелковой дивизии 8 стрелкового корпуса. Дивизия прикрытия границы, значит развёрнутая и боеготовая, в такой служить интересно, тем более командиром полка. Когда воевал на Гражданской, когда заканчивал военную школу ВЦИК в Кремле, я, как любой нормальный рядовой и курсант, о такой должности мечтал. Представлял, как буду командовать тысячей с лишним человек, как буду использовать свой опыт, опыт своих командиров, знания, полученные в военной школе и, конечно, не буду повторять ошибки ни свои, ни начальников. А посмотрелся я за 4 года Гражданской войны, 3 года в военной школе и 14 лет службы кадровым офицером много разного.

Теперь вся ответственность за полк лежит на мне. До этого, в Закавказье, где я служил сначала помощником, а потом и заместителем командиров разных стрелковых и горно-стрелковых полков, всегда чувствовал, что за мной есть командир и последнее слово его. Если я где-то недодумал, то есть кому додумать за меня. Но ничего – прорвёмся. Так же

я когда-то думал, вступая в должность и командира взвода, и командира роты, и командира батальона. Тогда получалось, надеюсь, что и сейчас получится. А куда деваться? Полк то на хорошем счету и в дивизии, и в корпусе, ниже третьего места в соцсоревновании среди частей корпуса уже лет пять как не опускался. В дивизии же только один соперник есть – 197 стрелковый полк – они в эту весеннюю проверку первое место заняли. Комдив полковник Дементьев Николай Иванович, когда я ему представлялся по прибытию в дивизию, мне ясно дал понять, что в осеннюю проверку будет ждать от нашего полка только первого места, ведь не даром полк первый. Надо соответствовать...

Сейчас я думаю, что правильно поступил, отказавшись в 1939 году от учёбы на КУКС (Курсы усовершенствования командного состава), куда меня посылал мой прежний комдив. Считал он, что из меня получится хороший штабной офицер, что у меня хорошо получается планировать бои полков и дивизий, отрабатывать это на картах и оформлять документально в виде приказов. Думал он, что должен я служить в оперативном отделе большого штаба и могу стать хорошим оператором. Но теперь то я вижу, что одно другому не мешает: я и командиром полка стал и планировать бои и операции не разучился – мне планирование, конечно, нравится, но самому хочется не только планировать, но и организовывать и непосредственно руководить войсками.

Через неделю, 15 июня, приедет семья, а она у меня боль-

шая: жена Ольга, сын Юрка 10-и лет, дочь Лидочка 2-х лет, тёща Пелагея Даниловна и её младшая сестра Анна Даниловна. Помню, я очень не хотел брать к себе тёщу, а особенно её сестру, но Ольга настояла и вот уже 12 лет они с нами катаются по стране, вслед за моими перемещениями по службе. Сейчас, когда у нас маленькая Лида, то Пелагея Даниловна сильно помогает Ольге по хозяйству. Да и её сестра не мешает – она учитель начальных классов, всё больше в школе пропадает и Юрке помогает учиться. Так что привык.

Их задержка с выездом в Перемышль произошла из-за того, что Юре надо было спокойно закончить 3-й класс, Анна Даниловна тоже хотела довести свой класс до выпуска из начальной школы, Оле надо было отправить контейнер, ну а тёща всем помогала по мере своих сил и возможностей.

Контейнер должен прийти за день до приезда семьи. Собственно, вещей то не много – несколько чемоданов с зимней одеждой и книгами, Лидочкина кровать, два десятка пластинок и патефон – самая дорогая у нас вещь. Под этот патефон мы с друзьями в Закавказье много хороших вечеров провели и танцевали под Утёсова, и пели вместе с Вертинским. Думаю, что он и в Перемышле пригодится. Я уже познакомился с некоторыми командирами полков, их комиссарами и заместителями – хорошие ребята, думаю, что сойдёмся, даже несмотря на то, что мы соперники в соцсоревновании за звание лучшего полка дивизии.

Квартиру нам выделили в центре города, недалеко от вок-

зала. Квартира хорошая, большая – четыре комнаты с кухней, ванной и двумя туалетами, а ещё есть полная обстановка – это бывшая квартира какого-то польского буржуя, который, как говорят, в 1939 году убежал от нас и немцев куда-то в Англию. Теперь она навсегда служебная жилплощадь, закреплённая за командиром 1 полка. Такого жилья у нас не было нигде и никогда, раньше всё больше по казармам жили, отгораживая картоном и фанерой её кусок под жильё или снимали квартиру в частном секторе, если часть дислоцировалась в городе.

Прибыв в полк на его зимние квартиры, задержался тут не долго, всего на день, так как полк уже почти месяц находился в летних лагерях на полковом полигоне, где, после сдачи весенней проверки, остался на полевые занятия, полковые и дивизионные учения. В казармах же остались только постоянные дневальные, в автопарке техники тоже почти не было. Осмотрев выделенную мне квартиру и своё полковое хозяйство в сопровождении дежурного по полку, убыл на полигон, который находился всего в 15 километрах юго-восточнее Перемышля.

На полигоне мне была выделена отдельная, довольно большая, палатка, которая служила мне и спальней, и рабочим кабинетом, и местом для проведения совещаний. Встретили меня мои заместители, начальник штаба полка, командиры батальонов и комиссар, им я был представлен начальником штаба дивизии полковником Гороховым. Ну а далее

пошла нормальная командирская работа: оценка ситуации, принятие решений, раздача указаний, организация и контроль всего подряда, знакомство с личным составом, проведение полевых и классных занятий с командным составом полка и т.д. и т.п. Кто служил, знает...

Полигон под Перемышлем, по сравнению с полигонами в России и даже в Закавказье, был оборудован довольно плохо, но это и понятно, ещё двух лет не прошло, как Западная Украина стала нашей. Дайте срок и здешние полигоны станут не хуже всяких прочих. Хуже, что новая граница оборудована почти никак, хотя и стараются пограничники, но даже не все заставы ещё построены. Портят настроение украинские националисты и немецкие диверсанты: то нам связь с командованием дивизией и другими полками оборвут, то на часового нападут, то подожгут чего-нибудь. Оставшиеся поляки тоже не особо облагораживали ситуацию в городе и на хуторах вокруг него, бывает, что задирают наших солдат.

В начале этого года в соседнем полку случилась стычка, когда несколько поляков по пьяни напали на отделение наших солдат, находившихся в увольнении, но получили достойный отпор. Двое поляков в больницу попали, а остальные отделались синяками и ссадинами. Однако, в интересах установления дружественных отношений с местным населением всех участников драки со стороны военных посадили на гауптвахту, а их командира отделения, сержанта Василия Абрамова даже судили, дали семь лет лагерей и отправили

в Воркуту. Сам сержант в драке не участвовал, даже пытался её разнять, но он был там старший и осудили его за то, что драку не сумел предотвратить и допустил, что его подчинённые нанесли увечья гражданскому населению, что неблагоприятно повлияло на отношение к военным со стороны местных жителей.

Националисты редко, но, бывало, устраивали взрывы, нападения на солдат и офицеров, даже на своих украинцев, которые за СССР были. Членов ВКП(б) и местное советское руководство даже убивали. Что обидно, но националистов местное население в большинстве своём поддерживало и пусть жители не проявляли этого явно, но втихаря помогали. К нам здесь многие относились как к оккупантам и даже дети иногда смотрели волчатами, несмотря на то, что мы им жить не мешали и даже многим помогали, особенно тем, что не дали их оккупировать Германией, а присоединили к родной Украине. Националистов, конечно, давит местное НКВД, а вот с немцами хуже – у нас с ними хоть и не дружба, но давить их сильно нельзя – боятся, что Германия воспримет это как провокацию. А в целом ничего, служить и жить можно.

Так незаметно пролетели две недели от момента моего приезда до прихода контейнера и приезда семьи. Я постарался подгадать так, чтобы в эти дни у меня не было ни занятий, ни больших проверок, а у комдива я загодя отпросился на пару дней. Контейнер встречал я вместе со своим адъютан-

том и парой солдат – разгрузили и занесли вещи в квартиру, но разбирать чемоданы не стали, я решил подождать до завтра, когда вся семья будет в сборе.

16 июня встретил я их у поезда, привёз в квартиру, которая всех привела даже не в восторг, а в полное изумление – никто не ожидал таких шикарных условий. Однако сразу браться за разбор вещей никто не захотел, все решили сначала пойти погулять по городу, да и мне было интересно, ведь город я почти не видел. Город сравнительно небольшой, да ещё и поделенный на две части рекой Сан. Его северо-западный плоский берег находился в зоне оккупации Германией, а юго-восточный высокий берег вместе со всей Западной Украиной вошёл в состав СССР. Хотя и прошло почти два года, как город наш, но всё равно чувствовалась в нём какая-то буржуазность – это было видно и в архитектуре, и в содержании улиц и домов, и в одежде и манере держаться населения. Моим город понравился, говорят, как за границу попали, не то, что Леникан и Кировокан в Армении, где мы жили последнее время перед переводом в Перемышль. Анна Даниловна всё спрашивала про школы, куда она хотела устроиться учителем, тещу больше интересовали магазины и рынки. Оле хотелось узнать, где тут кинотеатры и театры – она у нас в семье культмассовым сектором заведовала. Юрке интересно было всё, ну а Лида не сходила с моих рук – соскучилась, обнимает и говорит, что папу сильно любит. Вот ведь, мелкая такая, а приятно, от Юрки таких слов не

дождётсяся, но я и не жду, мужик растёт.

Но идиллия не долго длилась, семью пришлось оставить и вечером я опять был в полку. Через два дня, на 18 и 19 июня, намечались двухдневные двухсторонние батальонные учения с боевой стрельбой и надо было окончательно уточнить план учений, провести рекогносцировку на местности, проверить готовность личного состава, вооружения и боеприпасов. Это были мои первые учения в полку, во время них я главным образом хотел посмотреть на то, как будут действовать комбаты, ротные и взводные командиры, в каком состоянии техника и вооружение. По своему опыту знал, что хороший командный состав – это главное в части, если командиры толковые, грамотные и инициативные, то и солдат с сержантами научат действовать правильно в любой обстановке.

Новое пополнение, в конце мая поступившее в полк из приписного состава, тоже надо было побыстрее ввести в строй. Большая его часть хоть и служила в армии, но времени прошло порядком и надо было солдат подучить. Народ всё больше взрослый, обстоятельный, и, что важно, из центральных и восточных областей Украины. В оценке личного состава и в работе с ним, в планировании учений мне сильно помогал мой комиссар Розенштейн, он не первый год служил в полку и хорошо знал не только офицеров, но и почти всех сержантов и солдат.

Учения прошли достаточно успешно, происшествий не

было, оба батальона действия в наступлении, обороне и встречном бою отработали на «Отлично». Были некоторые вопросы к полковой миномётной батарее, но, в целом, и командиры и личный состав показали высокую выучку, даже пополнение не подкачало. Начальник штаба дивизии и её комиссар, присутствовавшие на учениях, после разбора их результатов поставили обоим батальонам пятёрки, миномётчикам четвёрку и сказали, что воевать полк умеет. Знали бы мы тогда, что это нам потребуется уже в реальных боях буквально через два дня. А пока мы все вернулись в полковую лагерь и занялись приведением себя, техники и вооружения в порядок, к воскресенью 22 июня всё должно соответствовать уставу.

За эти дни мне ни разу не удалось съездить к семье – надо было подготовить третий батальон полка к дивизионным учениям. Я надеялся, что в воскресенье получится вырваться домой хоть на несколько часов, чтобы помочь Оле с обустройством, да и детей хотелось увидеть, особенно Лидочку. Но увидеть мне их удалось лишь в понедельник 23 июня.

О том, чтобы побыть дома хоть одну ночь не было и речи, с 20 июня полк перевели на казарменное положение, и чтобы съездить в город надо было просить разрешения у начальника штаба дивизии, а то и у комдива. На ежедневных совещаниях до нас доводили, что напряженность на границе возрастает, что провокаций со стороны немцев становится больше, что германские войска практически полностью развёрнуты

за рекой и оснащаются средствами переправы, что их самолёты-разведчики всё дальше залетают на нашу территорию, что наши пограничники всё чаще ловят диверсантов с той стороны. А недавно, буквально 19 июня к нам через реку переплыл один немецкий унтер-офицер и на допросе сообщил, что немцы перейдут границу и начнут войну против СССР 22 июня. Эта информация доводилась только до командиров и комиссаров полков со строгим указанием иметь её ввиду, но не разглашать шире. Верить этому не хотелось, да и как было верить, если мимо полигона каждый день шли эшелоны в Германию с хлебом, нефтью, и другими товарами. Как же было этим слухам верить, если им сам товарищ Сталин не верил и нам советовал не верить, но требовал поддерживать боеготовность войск на высоком уровне. Приходилось спорить и доказывать некоторым другим командирам полков, почему война раньше 1942 года не начнётся. Они своё мнение не выражали явно, ведь оно шло в разрез с мнением товарища Сталина, но в нашей среде его озвучивали. Никак я не думал, что они окажутся правы.

22 ИЮНЯ

Воскресенье 22 июня началось у нас не с сигнала «Подъём» в 06.00, а сильно раньше. Около четырёх часов утра над нами на восток полетели десятки немецких бомбардировщиков. Чуть позже со стороны города стали доноситься звуки артиллерийской стрельбы. Дежурный по полку пытался дозвониться до штаба дивизии или до других полков, но связи не было, опять оборвали диверсанты. Тогда он отправил посыльного в штаб дивизии, а сам прибыл ко мне. Мы решили поднять полк по боевой тревоге, выдать личному составу оружие и боеприпасы, сухой паёк на сутки, другое имущество и выдвинуться в районы сосредоточения по боевому предназначению. Ни дежурный, ни я не решились вскрывать тревожные пакеты, где содержались инструкции на случай начала войны, ведь вскрывать их можно было только по указанию вышестоящего дежурного, командования дивизии или корпуса, а у нас нет связи.

Через три часа, когда заканчивалась выдача имущества личному составу, вернулся наш посыльный и вернулся он вместе с НШ дивизии, который начал общение с того, что объявил о начале войны и продолжил разносом нас за то, что мы до сих пор не вскрыли пакет по приведению полка в полную боевую готовность, а действуем «на обум Ла-

заря». Наш доклад об отсутствии связи его ругань не оставил, а только усилил в сторону отсутствия у нас инициативы. Вскрыв и изучив-таки содержание пакетов, выслушав указания НШ, мы уяснили, что полку необходимо одним батальоном, усиленным миномётной батареей и разведротой, в первом эшелоне и двумя батальонами во втором, выдвинуться в своей полосе в сторону Перемышля с целью вытеснения из него наступающих подразделений Германии и восстановления государственной границы. Действовать нам предписывалось во взаимодействии с бойцами Перемышльского 42-го погранотряда. Соседом справа выдвигался 197, слева 206 стрелковый полк, который в это время был не в лагерях, а на зимних квартирах в Перемышле и уже развёртывался в своей полосе обороны. Артиллерийским огнём поддерживать нас будет ГАП (гаубичный артиллерийский полк) дивизии, который должен бить по немецкой стороне Перемышля, препятствуя выдвижению их главных сил, бронетехники и артиллерии через мост на нашу сторону. Готовность к началу выдвижения в Перемышль была назначена на 03 часа ночи 23 июня, т.е. на всю подготовку к реальным боям у нас оставалось менее 20 часов, а ведь солдатам ещё и поспать надо будет.

Формированием усиленного батальона первого эшелона полка (я решил, что им будет третий батальон) решил заняться сам, чтобы избежать лишних согласований между командирами подразделений и службами полка. Комиссар со

своим партполитаппаратом за это время должен был довести до личного состава ситуацию, вдохновить его на тяжёлые бои и повышение бдительности. Ну а я вместе с командирами батальонов и миномётной батареи, начальниками служб полка должен буду спланировать действия первого эшелона, организовать его полное обеспечение и определить порядок ввода в бой батальонов второго эшелона в случае неуспеха первого. На месте нынешней дислокации необходимо было организовать боевое охранение и дополнительное патрулирование, расставить секреты.

Дел было много, но мысль о том, что в городе осталась вся моя семья постоянно крутилась в голове и иногда даже мешала работать. Я понимал, что один полк дивизии, погранотряд и два укрепрайона в городе не удержат врага на долго — слишком не равны силы, ведь на нас наступала развёрнутая дивизия вермахта, а она и технически лучше оснащена и численно больше нашей дивизии. Получалось, что численный перевес немцев в живой силе был в три раза больше, а в технике раза в четыре.

Что будет с моими родными, если город захватят фашисты страшно было думать. Разрабатывая план действий полка по отражению вторжения немцев, я увидел, что та улица, на которой стоял дом с моей квартирой попадает в полосу действий моего полка, то есть мне предстояло, освобождая от немцев центральную часть города, спасти от них и свою семью. Только бы они не убежали в панике куда-нибудь в

другой район, только бы их не захватили немцы, только бы у них хватило еды и воды, чтобы дожидаться освобождения. А то, что мы освободим город, я был уверен.

К вечеру 22 июня к нам поступило сообщение, что советская часть Перемышля практически полностью захвачена фашистами, что в городе начались грабежи и погромы, что немцы, по наводке украинских националистов и при их прямом участии, ловят по всему городу евреев, коммунистов, сотрудников советских учреждений и расстреливают их на берегу реки Сан. В городе остались лишь отдельные очаги сопротивления, которые без поддержки долго не продержатся.

К 21.00 мы были фактически готовы к выдвижению в город, так что я решил с 22.00 дать бойцам отдохнуть. Подъем намечался на 02.00 23 июня. Четыре часа сна (если будет этот сон в такой обстановке) смогут помочь нам в предстоящих боях. Самому себе и командирам батальонов на сон я отвёл три часа. Лёг спать в своей палатке, не раздеваясь в 22.30, хоть и лезли в голову разные мысли, но заснул достаточно быстро.

23 ИЮНЯ

Проснулся даже раньше намеченных 01.30 вполне выспавшимся и с какой-то внутренней дрожью во всём теле, но не от страха, а от внутреннего напряжения в ожидании боя. Так бывало со мной, когда шёл в бой в Гражданскую, когда выходил на ринг (в военной школе ВЦИК я состоял в сборной своего курса по боксу), перед сдачей сложных экзаменов и в других критических ситуациях. Это была дрожь предчувствия, но сейчас она была особенно явной. Бороться с ней было бесполезно, сама пройдёт, уступив место горячему ожесточению и холодному расчету, когда начнётся реальный бой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.